

Виноградов Борис Витальевич, Манаков Павел Владимирович

ХАРАКТЕР И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА ГОРСКИХ НАРОДОВ К МОМЕНТУ НАЗНАЧЕНИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ НА КАВКАЗЕ ГЕН. П. Д. ЦИЦИАНОВА

В статье дается анализ этнополитической обстановки на Северном Кавказе в конце XVIII в. к моменту назначения главнокомандующим на Кавказе ген. П. Д. Цицианова. В данном контексте исследуются особенности и проблемы российского подданства народов региона. Они связываются с реалиями местного социокультурного бытия и имперского видения развития российско-горского взаимодействия. Разное понимание сторонами сути подданических присяг обуславливало долговременные проблемы в российско-горских взаимоотношениях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/5.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 29-33. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. Коростелев А. Д. Русское население Чувашии: этносоциальные и этнокультурные процессы в начале 1980-х годов: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1992. 29 с.
8. Понятийный словарь по культурологии / сост. Н. А. Ороев, Е. В. Папченко. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. 94 с.
9. Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008. 172 с.
10. Российская энциклопедия социальной работы / под общ. ред. Е. И. Холостовой. М.: Дашков и К°, 2016. 1032 с.
11. Чернявская Ю. В. Народная культура и национальные традиции. Минск, 1998. 170 с.

STUDY OF STUDENTS' VALUE ATTITUDE TO THE NATIVE CULTURE: PHILOSOPHICAL-PEDAGOGICAL ASPECT

Baskakova Natal'ya Ivanovna, Ph. D. in Philosophy
Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary
rivera_n@mail.ru

The article considers the problem of study and development of students' value attitude to the native culture. The theoretical interpretation of the term "value attitudes" is given from the point of view of axiological approach. Along with this, the value attitudes of the individual are considered as an object of pedagogical influence. The results of a comparative analysis of students' value attitude to their native culture, conducted at Chuvash State Institute of Culture and Arts in 2014-2016, are presented. The problems that affect the formation of students' positive motivation of reference to their native culture are analyzed.

Key words and phrases: values; value attitude; value orientations; globalization; native culture; ethnocultural education; students of art institutions of higher education.

УДК 94(470.6)

Исторические науки и археология

В статье дается анализ этнополитической обстановки на Северном Кавказе в конце XVIII в. к моменту назначения главнокомандующим на Кавказе ген. П. Д. Цицианова. В данном контексте исследуются особенности и проблемы российского подданства народов региона. Они связываются с реалиями местного социокультурного бытия и имперского видения развития российско-горского взаимодействия. Разное понимание сторонами сути подданических присяг обуславливало долговременные проблемы в российско-горских взаимоотношениях.

Ключевые слова и фразы: этнополитическая ситуация; раздел Крымского ханства; российско-горское взаимодействие; горский традиционный уклад; подданические присяги; социокультурное развитие; набеговая практика.

Виноградов Борис Витальевич, д.и.н., профессор

Манаков Павел Владимирович

Армавирский государственный педагогический университет

vinogradov.b@mail.ru; pv-manakov@mail.ru

ХАРАКТЕР И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПОДДАНСТВА ГОРСКИХ НАРОДОВ К МОМЕНТУ НАЗНАЧЕНИЯ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ НА КАВКАЗЕ ГЕН. П. Д. ЦИЦИАНОВА

Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 17-11-23007 а(р) «Политические и социокультурные процессы формирования северокавказской и причерноморской окраин России (конец XVII в. – 1783 г.)».

Генерал П. Д. Цицианов был назначен главнокомандующим в Грузии (фактически – на Кавказе) в 1802 г., в то время, когда для российской стороны перспективы проводимой в регионе политики изменились в связи с фактором присоединения к империи Картли-Кахетинского царства (1801 г.), что ознаменовало начало выхода российских владений на Южный Кавказ (в Закавказье). Если прежде укрепления и коммуникации Кавказской Линии обозначали собой границу российского непосредственного военно-административного контроля в регионе, при условии формально подданического состояния горских народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа, проживавших южнее Линии, то теперь стратегические долговременные интересы России претерпевают значительное изменение. Северный Кавказ начинает становиться тыловой территорией империи, причем той зоной этнополитической нестабильности и конфликтности, реалии которой весьма трудно вписывались в контекст внешнеполитических задач государства.

К началу XIX в. Россия уже прочно была сильнейшей стороной в той борьбе за Кавказ с Османской империей и Ираном, которая берет отсчет с середины XVI в. Важнейшими вехами в данном усилении позиций России в регионе были Кючук-Кайнарджийский трактат 1774 г., обусловивший российский суверенитет над Кабардой, «нейтрализацию» Крымского ханства и наличие широких возможностей для российской политики применительно к народам Центрального и Северо-Восточного Кавказа и, собственно, последовавшее в 1783 г. присоединение

к России Крымского ханства [7, с. 842-844]. Последнее предопределило более чем значительные перспективы политики России на Северном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье, и, вместе с заключенным в том же 1783 г. Георгиевским трактатом о протекторате над Восточной Грузией (Каргли-Кахетинским царством), и сделало Российскую империю сильнейшей стороной в противоборстве за Кавказ [8, с. 32-33].

Однако явное усиление России на Кавказе таило в себе те «подводные течения», которые, как представляется, оказались немалой неожиданностью для российских же властей. С одной стороны, северокавказские этносоциальные сообщества начинают воспринимать Россию в качестве сильнейшей стороны в противоборстве с Турцией и Ираном, что, на первый взгляд, определяло их пророссийскую ориентацию и обуславливало принятие многими из них подданнических присяг [17, с. 10; 26, д. 13, ч. IV, л. 133; 28, д. 331, ч. I, л. 22]. Вместе с тем, с другой стороны, ослабление позиций Османской империи и Ирана (который за XVIII в. был неоднократно сотрясаем затяжной борьбой за шахский престол), снятие усилиями российской политики с «повестки дня» ранее существовавшей крымской угрозы обусловили на перспективу долговременный фактор снижения мотивированности части горских народов в российской защите, покровительстве со стороны России.

В данном контексте важно понимать, что феодально-абсолютистская Россия и горские народы, стоявшие на до- или полугосударственном уровне развития, по-разному воспринимали суть и конкретное содержание тех подданнических присяг, которые определяли взаимодействие сторон в тех условиях, когда сколь-нибудь конкретного российского военно-административного и правового присутствия южнее Кавказской линии, за редкими исключениями, практически не существовало. Для российской стороны, исходя уже из традиционной риторики, содержащейся в манифестах императоров, важнейшим целеполаганием кавказской политики являлось водворение «мира и спокойствия» [5, с. 23-24], что в конкретных региональных социокультурных условиях предполагало отказ горцев от набеговых «предприятий», освященных традицией, а с конца XVIII в. – и фактором завершения процесса исламизации [21, с. 22].

Говоря о подданнических присягах, принимаемых горцами в адрес России, следует заметить, что встречаемый в документах российского происхождения термин «подданство» применительно к мере и характеру подчиненности горских сообществ Российской империи в XVIII в. (как, впрочем, и в двух предшествующих столетиях) не может отразить всей специфичности российско-горского взаимодействия [13]. В российском государстве к тому времени давно и прочно утвердился достаточно жесткий «вертикальный» подданнический стандарт, отражавший реалии бытия социально стратифицированного централизованного государства, превратившегося в начале XVIII в. в феодально-абсолютистскую монархию. Есть достаточные основания считать, что данный стандарт не распространялся на моделирование характера и содержания взаимоотношений с северокавказскими народами, исходя и из особенностей внешнеполитического контекста складывания этих взаимоотношений, и из несомненной разницы в уровне социокультурного развития субъектов взаимодействия.

В настоящее время довольно проблематично выработать и апробировать тот понятийно-терминологический аппарат, который бы в полной мере отражал все нюансы российско-горских взаимоотношений, в том числе – по части оценки смыслового наполнения подданнических присяг горцев, принимаемых ими в различных обстоятельствах как внешнеполитического, так и внутрирегионального свойства. Применяемые определения, такие как «вассально-союзнические отношения», «вассально-подданнические отношения», «договорное подданство», «военно-политические союзы», не могут отразить все качественное своеобразие российско-горского взаимодействия в широком хронологическом диапазоне. К тому же, практически каждый из них содержит те терминологические условности, которые проистекают либо из «европейского происхождения» понятий, либо из проблематики «стадиальной» сопоставимости субъектов взаимодействия [9, с. 34-35], либо из практической неизбежности в исторической науке известной субъективности исследователей при трактовке тех или иных понятийно-терминологических определений, да и характера российско-северокавказских взаимоотношений [10].

Как бы то ни было, несмотря на многочисленные и нуждающиеся в дальнейшей разработке примеры позитивного опыта в российско-горском взаимодействии, принимаемые горскими сообществами в адрес России подданнические присяги нередко нарушались. При анализе данного феномена в российско-северокавказских взаимоотношениях следует исходить из положения, что горцы, вследствие характера их традиционных социокультурных реалий, были не в состоянии отказаться от набеговой практики, то есть не могли соответствовать российскому видению сценария взаимодействия сторон, то есть были такими, какими они были. Вместе с тем, и от российской стороны было бы не исторично требовать каких-либо иных стандартов проведения региональной политики, привнося современное понимание к разрешению тех или иных этнополитических проблем. Данная констатация, как представляется, может предохранить от искушения поиска правых и виноватых в оценке причин и проявлений тех конфликтных ситуаций, которые имели место в российско-горском взаимодействии в конце XVIII – первой половине XIX в.

Как известно, среди народов Центрального Кавказа наиболее социально-стратифицированными и сильными в военном отношении были кабардинцы. Несмотря на некоторую двойственность соответствующих положений Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Османской империей [25, с. 100-104], считается, что с 1774 г. Кабарда находилась в российском подданстве, и существовавший почти два столетия «кабардинский вопрос» был снят с повестки дня международных отношений. Однако события взаимодействия региональных российских властей с кабардинскими социальными верхами в последние десятилетия XVIII в. покажут, что кабардинская знать в условиях ослабления османской угрозы и ликвидации российскими стараниями угрозы крымской будет весьма своеобразно воспринимать свое российское подданство, довольно стабильно пытаясь торпедировать усиление позиций России на Центральном Кавказе. Это выразится, в частности, в сопротивлении возведению укреплений Азово-Моздокской линии, принявшем в конце 1770-х гг.

вооруженную форму, а затем – характер затяжной «фронды» [6, с. 23-25; 26, д. 13, ч. II, л. 3]. Здесь следует заметить, что несколько ранее, еще в период «нейтральности» Кабарды по условиям Белградского трактата 1739 г., кабардинская знать стала устойчиво возражать возведению в 1763 г. российской крепости Моздок, считая ее расположенной на своих землях, вопреки конкретным историческим и политическим реалиям региона [11, с. 80-81; 24, с. 111-112]. В современной кавказоведческой историографии есть точка зрения, что высшая российская власть в лице Екатерины II на определенном этапе стремилась посредством поддержки кабардинской знати, а затем и фактора российского суверенитета над Кабардой, распространить и укрепить свое влияние на остальные народы Центрального Кавказа [19, с. 17-19]. Однако события конца XVIII в. продемонстрируют, что кабардинские социальные верхи окажутся непригодными для осуществления данных российских планов. В условиях кардинального ослабления внешних вызовов Кабарде, а значит, и необходимости в российской военно-политической поддержке, кабардинские князья станут устойчиво сопротивляться закреплению России в зонах обозначившегося их собственного доминирования. Нахождение Кабарды в российском подданстве фактически окажется «за кадром» их внимания и практического восприятия. Подданные присяги в адрес России со стороны ингушей и осетин, поддерживаемое российскими властями их стремление к расселению на плоскость вызвали долговременное и энергичное неприятие со стороны кабардинских социальных верхов [2, с. 267-268; 18, с. 443].

Еще раз отмечая значительную специфичность российского «подданства» горских народов, обитавших южнее Кавказской Линии, все же следует заметить и то, что Россия стремилась стать единственным сюзереном для своих новых горских подданных. Средневековый принцип «вассал моего вассала – не мой вассал» (распространенный, заметим, не по всей Западной Европе периода феодальной раздробленности) не устраивал российские власти, зато вполне соответствовал интересам кабардинской знати в условиях децентрализации кабардинского общества [20, с. 76]. Подобная «двуполярность» политического влияния на Центральном Кавказе не могла на перспективу устроить российские власти, тем более – в контексте того, что Турция и Иран еще не отказались от своих притязаний на северокавказские народы [6, с. 26-27].

Анализ сущности набеговой традиции и ее историографических оценок присутствует в некоторых изысканиях последних лет [22, с. 8-10, 68-69, 71, 73, 74, 79].

Как бы то ни было, фактор набеговой традиции, независимой собственно от фактора российского присутствия в регионе, обуславливал невыполнение подданных присяг и соответствующие реакции на это со стороны российских военных властей.

Особенностью этнополитической ситуации на Северном Кавказе в конце XVIII в. было то, что усиление России в регионе в связи с присоединением в 1783 г. Крыма и Правобережья Кубани обусловило и некоторые изменения в этнической карте региона. Так, овладение Россией Прикубаньем привело к переселению отсюда кубанских ногайцев, которые не без оснований казались российским властям недостаточно политически надежным контингентом для проживания на вновь обретенной империей территории [23, с. 34]. Последовавшее же впоследствии вселение туда Черноморского и групп Донского казачества, с одной стороны, обусловило начало собственно освоения Россией данной территории, но с другой, – определило изменение традиционной этнической карты региона, существовавшей ранее системы «этнополитических противовесов» [7, с. 845].

Данную проблематику необходимо анализировать в контексте тех миграционных процессов, которые происходили в регионе в середине – второй половине XVIII в., при условии, что некоторые из них являлись составной частью российско-горского взаимодействия [15, с. 11-193]. Так, чеченцы и карабулаки (орстхоевцы) во второй половине XVIII в. стали расселяться на плоскостные территории терско-сунженского междуречья в значительной степени благодаря принимаемым в адрес России подданным присягам [15, с. 163-166; 26, д. 9, л. 19] в условиях смещения на запад территории Малой Кабарды [14, с. 135; 27, д. 4].

Таким образом, российские владения терского левобережья вступили в непосредственное соприкосновение с зоной нового расселения чеченцев и карабулаков [8, с. 120].

Следуя оценкам доминировавшей в начале – середине 1980-х гг. концепции о добровольном вхождении чеченцев и ингушей в состав России, к 1781 г. большинство чеченских предгорно-плоскостных обществ приняли присяги на российское подданство [2, с. 207-217].

Вместе с тем, следует отметить, что выход чеченцев на равнину и фактор их российского подданства незначительно изменили традиционный уклад их жизни, частью которого была и набеговая традиция. В данном контексте следует отметить, что подданные присяги, принимаемые чеченцами, не предполагали введения среди них российских военно-административных порядков, не строились тогда на землях этнической Чечни и российские укрепления. Зато предусматривались прекращение набегов новых подданных на российские поселения и коммуникации по Тереку (что видится вполне логичным), выдача аманатов. Кроме того, плоскостные чеченцы должны были не пропускать через свои земли набегчиков из горной Чечни.

В данном случае проступала проблематика, характерная для широкого спектра вопросов российско-горского взаимодействия. Догосударственный и в значительной степени дофеодальный уклад жизни тех же чеченцев, отсутствие опыта подчинения государственной власти предопределяли значительную меру их «недоговороспособности». В большей или меньшей степени подобная констатация относилась и к иным горским субъектам взаимодействия с российскими властями.

Отсутствие существовавших мер по пресечению набегов привело бы, представляется, к значительному росту их количества. В данном смысле интересно высказывание английского историка П. Камерона, что «умеренность и великодушие восточный человек ошибочно принимает за трусость и бессилие, если прежде не дали возможность убедиться в обратном» [Цит. по: 16, с. 73-74].

В связи со значительным усилением России на Кавказе после 1783 г. укрепляются позиции России в Дагестане, что находило отражение в просьбах ряда местных владетелей о вступлении в российское подданство [26, д. 13, ч. 4, л. 133; 28, д. 331, ч. 1, л. 22]. Однако само положение Дагестана предопределяло оспаривание влияния в нем всех «сторон», соперничавших за Кавказ: России, Турции и Ирана. В данной связи дагестанские владетели находились в довольно сложном положении, что нередко приводило к двойственной или даже тройственной их политической ориентации [8, с. 124-125]. Стоит заметить и то, что и в Дагестане, и в других областях Северо-Восточного и Центрального Кавказа политическая ориентация местных элит и этнических сообществ в целом во многом зависела от складывавшихся региональных обстоятельств, насыщенных междоусобицами, взаимными набегами и т.п. В этих условиях покровительство России одной из сторон местного противоборства нередко означало поиск другой стороны иных внешнеполитических заступников.

Оформившийся в 1783 г. протекторат России над Каргли-Кахетинским царством обозначил надолго для России необходимость его защиты от разорительных набегов со стороны дагестанских владетелей и «вольных обществ», принявших для Грузии характер настоящего бедствия [3, с. 82-83]. Все это не устраивало Россию, которая, «приняв под покровительство свое Грузию и обращая виды свои на Армению, старалась увеличить число зависимцев своих в Дагестане» [4, с. 194].

С одной стороны, для недопущения набегов на Восточную Грузию о принятии ее в российское «подданство» (реально – под «протекцию») уведомлялись владетели Дагестана и Азербайджана [28, д. 286, ч. 1, л. 183], но с другой, – российские власти в реалиях весьма декларативного характера подданства тех же дагестанских владетелей практически не имели рычагов силового воздействия на них и, в условиях противоборства в регионе с Турцией и Ираном, были вынуждены мириться с нападениями последних на Карли-Кахетинское царство, когда весьма ограниченный запас дипломатических средств оказывался исчерпанным [8, с. 129-131]. Подобная ситуация определится довольно надолго и «перекочует» в то время, когда Россия уже будет осуществлять мероприятия по собственно включению в свой состав Восточной Грузии при императоре Павле I, что будет немало осложнять местную обстановку и даже требовать в новых обстоятельствах российского военного вмешательства [1, с. 136, 137, 142, 175-177].

Комплекс приведенных факторов и обстоятельств позволяет утверждать, что ко времени назначения главнокомандующим на Кавказе ген. П. Д. Цицианова этнополитические реалии региона были весьма непростыми. Факторы «нейтрализации» Крымского ханства в 1774 г. и собственно присоединения к России в 1783 г. Крыма и Правобережья Кубани предопределили не только долговременное усиление России на Кавказе, но и ряд специфических проблем российско-горского взаимодействия в изменившихся внешнеполитических и внутрирегиональных обстоятельствах. Принимаемые рядом горских этносоциальных сообществ в конце XVIII в. присяги на российское подданство отражали существовавшую сложную и многофакторную динамику этнополитической обстановки на Северном Кавказе. Российские власти и горцы, в силу значительной разницы в социокультурном развитии, по-разному воспринимали суть и «смысловое наполнение» этих присяг. В контексте присутствия в традиционном укладе горцев набеговой практики и ослабления для них внешнеполитических угроз это обуславливало долговременные проблемы в российско-горском взаимодействии и требовало принятия российской стороной мер, отличных от предыдущего опыта региональной политики.

Список источников

1. **Акты, собранные Кавказской археографической комиссией:** в 12-ти т. / гл. ред. А. П. Берге. Тифлис: Типография Главного Управления Наместника Кавказского, 1866. Т. 1. 827 с.
2. **Блиев М. М.** Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII – 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе: Ир, 1970. 438 с.
3. **Боцвадзе Т. Д.** Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях XVI-XVIII вв. Тбилиси: Мецниереба, 1974. 234 с.
4. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3-х ч. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1869. Ч. 1. 621 с.
5. **Великая Н. Н.** Об особенностях политического взаимодействия Российского государства с горцами Северного Кавказа в XVIII веке // Российский Северный Кавказ: проблемы формирования, материалы к историко-археологическому изучению региона. Армавир – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. С. 22-31.
6. **Виноградов Б. В.** Очерки этнополитической ситуации на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Краснодар – Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2004. 91 с.
7. **Виноградов Б. В.** Присоединение Крымского ханства (1783 г.): влияние на перспективы и проблемы складывания российского Северного Кавказа // Былые годы. 2015. № 38: 4-х ч. Ч. 4. С. 842-848.
8. **Виноградов Б. В.** Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2005. 384 с.
9. **Виноградов Б. В., Вартанян Х. С.** Еще раз о влиянии раздела Крымского ханства (1783 г.) на перспективы и проблемы складывания российского Северного Кавказа // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VIII: материалы Региональной научно-практической конференции (г. Пятигорск, 19-20 ноября 2015 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2015. С. 33-38.
10. **Виноградов Б. В., Ключков О. Б.** К проблеме историографических оценок стадийного уровня развития горских сообществ XVI – середины XIX в. в контексте современных вызовов безопасности российского Северного Кавказа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1. С. 26-29.
11. **Виноградов Б. В., Рябиков А. Н.** Возведение крепости Моздок (1763 г.) в контексте внутри- и внешнеполитических обстоятельств и историографических трактовок // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа: материалы Региональной научно-практической конференции (г. Пятигорск, 14-16 ноября 2008 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С. 78-82.

12. **Виноградов В. Б.** Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения) / сост. Н. Н. Великая. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. С. 207-217.
13. **Виноградов В. Б., Дударев С. Л.** К вопросу о типологии и периодизации русско-вайнахских политических отношений // Россия и Северный Кавказ (проблемы историко-культурного единства): межвузовский сборник научных трудов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1990. С. 109-117.
14. **Виноградов В. Б., Шаова С. Д.** Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи (XVI – середина XVIII в.). Армавир – Майкоп: Армавирское полиграфпредприятие, 2003. 152 с.
15. **Волкова Н. Г.** Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1974. 276 с.
16. **Дегоев В. В.** Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Русская панорама, 2001. 448 с.
17. **Джахиев Г. А.** Россия и Дагестан в начале XIX века. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1985. 96 с.
18. **История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.** / отв. ред. Б. Б. Пиотровский, А. Л. Нарочницкий, Р. М. Мунчаев, А. П. Пронштейн. М.: Наука, 1988. 544 с.
19. **Кипкеева З. Б.** Народы Северо-Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). М.: Изд-во Ипполитова, 2006. 360 с.
20. **Кожев З. А.** Кабарда в системе этносоциальных отношений на Северном Кавказе (XVIII в.): дисс. ... к.и.н. М., 1998. 236 с.
21. **Лаудаев У.** Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис: Издательство Кавказского горского управления, 1887. Вып. 6. С. 5-86.
22. **Матвеев В. А.** Межэтнические конфликты на Северном Кавказе: опыт осмысления и противодействия на рубеже XIX-XX вв. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2015. 150 с.
23. **Матвеев О. В., Ракачев В. Н., Ракачев Д. Н.** Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар: Книга, 2003. 215 с.
24. **Очерки истории российского Северного Кавказа второй половины XVI – середины XIX века** / под ред. В. Б. Виноградова. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2010. 298 с.
25. **Приймак Ю. В.** Северо-Восточное Причерноморье во внутри- и внешнеполитических процессах формирования южных границ России (конец XVII – первая треть XIX в.). Армавир: Полипринт, 2011. 359 с.
26. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Ф. 23. Кавказские дела. Оп. 1.
27. **РГАДА.** Ф. 192. Карты Кавказа. Оп. 1.
28. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. 52. Кн. Потемкина-Таврического. Оп. 1/194.

THE NATURE AND PROBLEMS OF MOUNTAIN PEOPLE'S RUSSIAN CITIZENSHIP TO THE MOMENT OF GENERAL P. D. TSITSIANOV'S APPOINTMENT AS COMMANDER-IN-CHIEF IN THE CAUCASUS

Vinogradov Boris Vital'evich, Doctor in History, Professor
Manakov Pavel Vladimirovich
Armavir State Pedagogical University
vinogradov.b@mail.ru; pv-manakov@mail.ru

The article provides an analysis of ethno-political situation in the North Caucasus at the end of the XVIII century to the moment of General P. D. Tsitsianov's appointment as Commander-in-Chief in the Caucasus. In this context the paper examines the peculiarities and problems of regional people's Russian citizenship. They are associated with local sociocultural realia and imperial vision of Russian-Mountain cooperation. The parties interpreted differently the essence of citizenship oath, and it caused permanent problems in Russian-Mountain relations.

Key words and phrases: ethno-political situation; division of Crimean Khanate; Russian-Mountain cooperation; Mountain traditional lifestyle; citizenship oaths; sociocultural development; practice of forays.

УДК 11/12+165

Философские науки

В статье рассматривается взаимосвязь философских категорий организации и дезорганизации. В этой связи всесторонне исследуется теория тектологии А. Богданова. Отмечается, что всеобщая организационная наука имеет ряд преимуществ по сравнению с другими науками. Автор обосновывает положение о том, что дезорганизация является частным случаем организации, после чего выдвигает положение о функции разрушения как создающей силе становления. Особое внимание в работе уделяется рассмотрению закона равновесия Ле-Шателье. Согласно данному закону, равновесное положение системы достигается за счет баланса противоположностей. В связи с этим автор делает вывод о необходимом единстве таких процессов, как организация и дезорганизация.

Ключевые слова и фразы: организация; дезорганизация; тектология А. Богданова; разрушение; противоречие; развитие; система.

Гимкаева Альбина Динаровна

Бакирский государственный университет, г. Уфа
albina.gimkaeva@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕОРГАНИЗАЦИИ

Соотношение категорий «организация» и «деорганизация» в различных философских концепциях трактовалось по-разному. Согласно метафизическому подходу, данные понятия являются противоположными,